

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

«НА РАДОСТЬ МАМЕ... И ПАПЕ»: КАК ПОЯВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ СКАЗЫВАЕТСЯ НА СУБЪЕКТИВНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ МАТЕРЕЙ И ОТЦОВ

Елена Николаевна Гасюкова (egasyukova@hse.ru),
Сергей Александрович Коротаев (skorotaev@hse.ru),
Дана Яхъевна Туаршева (dyatuarsheva@edu.hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
факультет экономических наук, Москва, Россия

Цитирование: Гасюкова Е.Н., Коротаев С.А., Туаршева Д.Я. (2024) «На радость маме... и папе»: как появление детей сказывается на субъективном благополучии матерей и отцов? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 39–64.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.2>. EDN: GPQDLO

Аннотация. Авторы поднимают вопрос о гендерном неравенстве и для этого проводят сравнение оценок субъективного благополучия мужчин и женщин в России. Субъективное благополучие позволяет учесть и суммировать преимущества в различных сферах жизни с учетом их важности для человека и выделить более (или менее) выигрышное положение одних по отношению к другим. Различия в субъективном благополучии мужчин и женщин исследуются на этапе рождения и последующего воспитания детей, поскольку для этого периода характерны флуктуации оценок удовлетворенности жизнью и дискуссионным становится вопрос о том, кто больше выигрывает от своей новой роли родителя: мужчина или женщина. Анализ осуществлен с использованием модели с фиксированными эффектами на основе панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2016–2021 гг. Субъективное благополучие измеряется с помощью вопроса об удовлетворенности жизнью респондентом. Результаты анализа свидетельствуют о том, что рождение детей связано с повышением субъективного благополучия как у женщин, так и у мужчин. Семейная пара с появлением ребенка чувствует себя более благополучно вне зависимости от уровня материальной обеспеченности и возраста деторождения. Исследуемые данные позволяют заявить о том, что женщины, став матерями, не получают дополнительного выигрыша по сравнению с мужчинами: рождение ребенка одинаково вознаграждается ростом удовлетворенности жизнью как матерей, так и отцов. Однако радость родителей длится недолго: последующий за рождением этап воспитания детей 3–4-летнего возраста одинаково негативно сказывается на удовлетворенности жизнью респондентов обоих полов.

Ключевые слова: субъективное благополучие, гендер, рождение детей, гендерное неравенство, материнство и отцовство.

В литературе по гендерному неравенству рождение ребенка рассматривается как пример ситуации, в которой выигрыши и издержки распределяются неравным образом между мужчинами и женщинами. Так, исследования демонстрируют существование «штрафа за материнство» — снижения оплаты труда женщин, связанное с рождением ребенка и необходимостью ухода в декретный отпуск (Рощин, Емелина 2022; Бирюкова, Макаренцева 2017; Арженовский, Артамонова 2007; Ермолина и др. 2016). В отношении же мужчин наблюдается противоположный эффект: став отцами, они вознаграждаются увеличением дохода — «премией за отцовство»¹ (Killewald 2013; Cooke, Fuller 2018). Вместе с тем вступление в материнство является желанным этапом жизненной траектории большинства женщин². Так, согласно опросу НАФИ 2020 г. (8 ролей женщины... 2020), для женщин в России приоритетным остается семья и дети, тогда как для мужчин на первом месте стоит карьера. Исходя из вышесказанного мы можем предположить, что наряду с потерями в доходе и карьерном росте рождение ребенка приносит и «выгоды»: ощущение удовлетворенности и благополучия в жизни женщины. Данное предположение, насколько нам известно, получило лишь ограниченное внимание в литературе. Представленная статья направлена на сокращение этого пробела, в рамках работы мы пытаемся выяснить, действительно ли с точки зрения субъективного оценивания матери выигрышают по сравнению с отцами.

В литературе под гендерным неравенством, как правило, понимается неравенство между мужчинами и женщинами в распределении материальных ресурсов, власти, статуса (Ridgeway 2011: 10). Встречаются и более широкие трактовки понятия как различие в возможностях или преимуществах, предоставляемых обладателю гендера в зависимости от восприятия этого гендера в обществе (Newton 2019: 19). Учет преимуществ мужчин и женщин, их «выигрышей» и «проигрышей» в нескольких сферах жизни может быть затруднительным, а их сопоставление (взвешивание) — произвольным. Возможным решением является использо-

---

¹ Феномен «премии за отцовство» преимущественно описан на данных западных стран. В России изменение доходов мужчины при вступлении в отцовство не столь широко изучено. Мы встречаем всего несколько работ на эту тему. Например, Ощепков (2020) показывает, что при контроле индивидуальных характеристик отцов (изначально более подготовленные мужчины решают стать отцами) «премия за отцовство» оказывается минимальной.

² Такое желание характерно для женщин независимо от их трудового статуса, в частности наличие работы не влияет на решение родить ребенка или нет (Карачук и др. 2015).

вание субъективного благополучия в качестве своего рода интегрального показателя гендерного преимущества. Субъективное благополучие позволяет учесть и суммировать разнообразные преимущества или выигрыши и проигрыши с учетом их значимости для человека, вместо того чтобы навязывать авторский взгляд на важность тех или иных аспектов жизни (Stoet, Geary 2019). В литературе мы встречаем работы, в которых авторы показывают различия в оценках субъективного благополучия у мужчин и женщин (см., например: Harryson et al. 2012; Senik 2015). Однако авторы анализируют субъективные оценки без привязки к конкретному этапу жизненного пути, хотя сами отмечают, что мужчины и женщины в различные периоды времени могут опережать друг друга в преимуществах своего субъективного благополучия (Senik 2015). Одним из особенных этапов в жизни человека является период рождения и воспитания детей.

Работы по гендерному неравенству неоднократно выделяли данный этап как особый и пытались ответить на вопрос о том, как меняется положение мужчин и женщин после рождения ребенка. Благодаря этим работам в литературе закрепились понятия «штраф за материнство» и «премия за отцовство», показывающие усиление различий в уровнях дохода мужчин и женщин на этапе родительства. Однако, как правило, в этих работах авторы обходят стороной вопрос субъективного благополучия мужчин и женщин в новом статусе родителя. Рассмотрение родительства с позиций субъективной оценки дисбаланса преимуществ мужчин и женщин¹ не получают развития в исследованиях гендерного неравенства. В представленной работе мы предпринимаем попытку частично заполнить этот пробел.

Концепция субъективного благополучия

Понятие субъективного благополучия (СБ) обычно отсылает к индивидуальной оценке жизни в целом или качества жизни человека (Proctor 2014). Но СБ не может и не должно приравниваться к благостной и безмятежной жизни (Diener et al. 2018): человек может испытывать трудности, преодолевать проблемы, но при этом высоко оценивать свою жизнь (Maddux 2017: 4). СБ является инструментом, отражающим степень удовлетворенности текущей жизнью (когда все идет своим чередом) (Maddux 2017: 7) и используется в исследованиях либо как мера принятия, согласия

---

¹ Стоит выделить работу Номагучи (Nomaguchi 2012), которая рассматривает психологическое благополучие родителей как вознаграждение за возможность воспитания детей.

с обстоятельствами (например, при исследовании корпоративного климата на работе), либо как показатель, фиксирующий достигнутые успехи в жизни сообщества.

Ключевой и одной из первых работ, популяризирующих академическое использование понятие СБ, стала публикация Динера (Diener 1984). Автор отмечает, что понятие счастья или благополучия, несмотря на широкое использование исследователями и мыслителями, не имело на тот момент конкретного понимания и определения. Восполняя этот пробел, Динер выдвигает основные признаки СБ: прежде всего СБ реферирует к субъективной оценке — восприятию индивида, также СБ отражает степень присутствия позитивных аспектов в жизни человека, а не отсутствие негативных (например, человек ничем не боится и поэтому удовлетворен жизнью), наконец, Динер отмечает, что СБ — это интегральная оценка, охватывающая различные стороны жизни (см. также: Леонтьев 2020; Гасюкова, Петрова 2021). Неслучайно один параметр — удовлетворенность жизнью — служит конвенциональным и рекомендованным ОЭСР показателем СБ (Stone, Mackie 2013: 16).

Поскольку СБ отражает субъективное суждение индивида, его оценку, то авторы отмечают, что СБ определяется личностными характеристиками, персональными диспозициями, но не является неизменным и может испытывать воздействие внешних факторов, например демографических (вступление в брак, старение и др.) (Diener et al. 1999). Эти события влияют на СБ, как правило, не напрямую, а посредством модификации целей индивида, его жизненных планов. Такое понимание СБ позволяет примирить теории «снизу вверх» и «сверху вниз» (bottom-up & top-down theories) (Maddux 2017: 18), первая из которых рассматривает СБ как результат оценки жизни, в которой могут происходить как позитивные, так и негативные события, а вторая исходит из устойчивых личностных диспозиций, служащих базисом для интегральной оценки удовлетворенности жизнью.

Измерение субъективного благополучия

В литературе выделяется когнитивный и аффективный компоненты СБ (Diener et al. 2002). К когнитивному компоненту относится суждение индивида в отношении его жизни в целом, к аффективному — оценка субъективного состояния или эмоций, которые люди испытывают в своей повседневной жизни. При этом аффективная компонента чаще оценивается с точки зрения не интенсивности эмоционального настроения, а частоты ощущения эмоций, отдельно позитивных и негативных (Diener et al. 2018). Другой способ оценки аффективного показателя — использо-

вание шкалы субъективного счастья Любомирски¹ (Lyubomirsky, Lepper 1999; адаптирована на русский язык Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним /2020/).

Для оценки когнитивного показателя СБ Динер и коллеги (1985) разработали шкалу удовлетворенности жизнью (Satisfaction with Life Scale, SWLS). На основе факторного анализа они вывели пять ключевых детерминант удовлетворенности жизнью, факторные нагрузки которых превышали значение 0,6:

- «В большинстве случаев моя жизнь близка к моему идеалу» (0,84);
- «Условия моей жизни превосходны» (0,77);
- «Я удовлетворен своей жизнью» (0,83);
- «Пока что я добился того, чего хочу в жизни» (0,72);
- «Если бы я мог прожить свою жизнь заново, я бы почти ничего не изменил» (0,61).

Когнитивные и аффективные оценки не всегда синхронны, но чаще между ними наблюдается сильная положительная связь (Кученкова, Татарова 2019). При этом когнитивный компонент отличается большей устойчивостью (Proctor 2014) и связью с жизненными условиями, в то время как аффективная компонента в большей мере определяется личностными диспозициями индивида и более волатильна, поскольку меняется в зависимости от сопровождающих жизнь человека событий (Pavot, Diener 1993; Осин, Леонтьев 2020). Особенно это важно учитывать в исследованиях, оценивающих событие появления детей, так как настроение и эмоции родителя в этот период очень нестабильны, в то время как когнитивные суждения отличаются перманентностью (Pollmann-Schult 2014).

Одномерное измерение СБ критикуется по причине того, что человек может оценивать и думать о своей жизни, с различных перспектив, и одного параметра недостаточно, чтобы учесть эту композицию факторов (Kjell et al. 2016; Кученкова, Татарова 2019). Но поскольку при оценивании СБ отдельно измеряются разные субъективные компоненты, исследователи высказывают сомнения по поводу целостности показателя СБ. Так,

---

¹ Строится на следующих утверждениях: 1. В целом я считаю себя не особо счастливым(ой) / очень счастливым(ой); 2. По сравнению с большинством сверстников я менее счастлив(а) / более счастлив(а); 3. Некоторые люди обычно очень счастливы. Они получают удовольствие от жизни, что бы ни происходило, беря от жизни все. Насколько это похоже на вас? — совсем не похоже / в большей степени; 4. Некоторые люди обычно не особенно счастливы. Хотя они и не страдают депрессией, похоже, они никогда не бывают так счастливы, как могли бы быть. — совсем не похоже / в большей степени.

Буссери и Садава (Busseri, Sadava 2011) замечают, что общая дисперсия между компонентами СБ может являться просто методологическим артефактом, обусловленным необходимостью дать оценку различным аспектам своего психологического состояния. В связи с чем авторы склонны за понятием СБ видеть область исследований, нежели отдельную психологическую сущность или конструктор.

Даже в случае использования одномерной модели СБ, состоящей только из когнитивного или аффективного аспектов, введение в анкету целой батареи вопросов может быть излишне затратным. По этой причине некоторые авторы находят возможным ограничиться лишь одним вопросом. Так, на данных из США и Германии было показано, что шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) имеет высокую корреляцию с вопросом «В целом насколько вы удовлетворены своей жизнью?». Оба показателя имеют схожую связь с экзогенными переменными (Cheung, Lucas 2014). Проверка надежности использования одномерной оценки на данных четырех национальных репрезентативных панельных исследованиях также продемонстрировала, что одного показателя достаточно: при построении многомерной модели удовлетворенности жизнью оценки надежности увеличились в среднем лишь на 16 % (Lucas, Donnellan 2012).

На основании вышесказанного и имеющихся ограничений данных (несмотря на то что опросники РМЭЗ содержат вопросы об оценках счастья, на текущий момент эти данные закрыты), мы решили остановиться на одномерном измерении СБ и ориентироваться на ответы на вопрос об удовлетворенности жизнью в целом.

Связь структурных параметров и СБ родителей

Вопрос влияния рождения детей на СБ родителей широко освещен в зарубежной литературе. Однако эти работы не предоставляют нам однозначного ответа о том, содействуют ли дети росту или снижению СБ родителей (то же отмечено в Austen et al. 2023). В исследовании немецких коллег было получено, что СБ (удовлетворенность жизнью) женщин начинает расти еще до рождения ребенка, и далее этот рост продолжается (Pollmann-Schult 2014; Baetschmann et al. 2016). Станка (Stanca 2012) же, наоборот, анализируя собранные в 94 странах данные, получил, что дети негативно влияют на СБ (удовлетворенность жизнью и оценки счастья) родителей. Обзор литературы по данной теме (Nomaguchi, Milkie 2020) показал, что доминирующей реакцией на беременность и рождение детей у обоих родителей все же является рост удовлетворенностью жизнью.

Столь противоречивые результаты получены, вероятно, потому что появление детей хотя и является для многих долгожданным событием,

обычно нарушает привычный ход жизни и требует значительных финансовых и временных затрат. Если ребенок рождается слишком рано, когда родители еще молоды (Hansen 2012) или когда мужчина как глава семьи не может обеспечить достойный и стабильный доход (Matysiak et al. 2016), то рождение ребенка будет связано с негативными оценками СБ, в первую очередь для отца (Pollmann-Schult 2014; Schröder 2020). Если же родители не испытывают больших трудностей в связи с появлением малыша, поскольку могут положиться на соответствующую инфраструктуру и помощь со стороны государства, то ребенок не будет оказывать негативный эффект (Glass et al. 2016). В отличие от мужчин, у женщин этап рождения ребенка характеризуются нестабильностью субъективных оценок: удовлетворенность жизнью в период рождения детей повышается у них сильнее, чем у мужчин, но затем постепенно падает (Feyrer et al. 2008; Nomaguchi, Milkie 2020).

Вопрос связи СБ и родительского статуса также получил освещение в работах, проведенных на российских данных. Прежде всего следует отметить работу Микука (Mikucka 2016), в которой на данных РМЭЗ за 1994–2015 гг. получено, что удовлетворенность жизнью у женщин и мужчин значимо не меняется с рождением первого ребенка. По мере взросления ребенка СБ (удовлетворенность жизнью) родителей растет, но значимый рост в большей мере характерен для мужчин. Рождение второго ребенка положительно связано с уровнем СБ обоих родителей, причем в год рождения второго ребенка женщины отличаются большей удовлетворенностью, чем мужчины, затем по мере взросления ребенка отцы отличаются большими показателями СБ.

Анализ российских данных показывает, что удовлетворенность жизнью женщин с детьми выше по сравнению с теми, кто детей не имеет (Karabchuk 2016; Панкратова 2013). Брак и дети содействуют повышению уровня удовлетворенности жизнью у мужчин и женщин (Isaeva, Salahodjaev 2021). Но, как и в зарубежных работах, рождение ребенка сопряжено не только с положительными оценками: у женщин отмечается рост неудовлетворенности материальным положением (Нуриманова, Бирюкова, Ермолина 2016).

Отдельное рассмотрение реакции мужчин на появление ребенка среди отечественных исследований, насколько нам известно, не осуществлялось. Только в исследовании Микука (Mikucka 2016) было получено, что подростки или вторые дети положительно воздействуют на удовлетворенность жизнью отцов. Стоит также упомянуть работы Авдеевой (2012) и Рождественской (2020), в которых показано, как зарождается в России тренд вовлеченного отцовства и активной заинтересованности мужчин

в воспитании детей, а также принять во внимание недавнюю статью Безруковой и Самойловой (2022) о разнообразии отцовских практик.

На основании вышесказанного мы предлагаем следующую гипотезу H1:

H1a: Рождение ребенка у женщин связано с повышением уровня СБ.

H1b: Рождение ребенка у мужчин связано с повышением уровня СБ.

Результаты исследований (Blednova, Bagirova 2021; Mikucka 2016; Панкратова 2013) в первую очередь указывают на значимость возраста родителей. По оценкам авторов (Mikucka 2016; Cetre et al. 2016; Blednova, Bagirova 2021), молодые родители с меньшим позитивом воспринимают рождение детей, чем родители более зрелых возрастов¹.

H2a: Рождение ребенка у молодых родителей приводит к снижению СБ.

Уровни СБ после рождения ребенка не статичны, но скорее демонстрируют положительную динамику, причем наиболее явно это проявляется в отношении отцов (Mikucka 2016). Субъективные оценки (удовлетворенность жизнью) женщин на разных этапах — первые годы после рождения и в последующие годы — колеблются, но в конечном счете превышают уровни СБ до рождения (Baetschmann et al. 2016; Mikucka 2016). Сравнительный анализ женщин, имеющих детей разных возрастов (Карабчук и др. 2012) показал, что удовлетворенностью жизнью у женщин с детьми до полутора лет растет, а затем падает, но уже после достижения ребенком семи лет удовлетворенность жизнью у женщин повышается (Панкратова 2013). Исходя из этого мы предполагаем, что, несмотря на колебания, в целом наблюдается положительная динамика СБ по мере взросления ребенка.

H2b: Чем взрослее ребенок, тем выше уровень СБ родителей.

Помимо временных аспектов, значимыми оказываются структурные различия. Для низкодоходных семей воспитание детей — довольно сложная задача, поскольку дети требуют больших затрат (Umberson et al. 2010), поэтому финансовая неудовлетворенность обуславливает низкие оценки СБ в небогатых семьях (Stanca 2012; Cetre et al. 2016; Pollmann-Schult 2014).

H3: Чем выше уровень доходов индивидов, тем рождение детей в большей мере содействует росту СБ.

---

¹ В то же время Кохлер (Kohler 2015) показывает, что для российских женщин наиболее благоприятный период для рождения с точки зрения социальных ожиданий приходится на молодые годы. Но исследование Кохлер было осуществлено на данных начала 2000-х годов, у современных женщин наиболее благоприятный период мог сдвинуться в более старшие возрасты.

Период рождения ребенка также привносит свои коррективы в занятость родителей, особенно это касается матерей: они, как правило, уходят в декретный отпуск. Чаще всего женщина сидит дома с ребенком в течение 1,5–2 лет — период, когда законодательно она может получать пособие по уходу за ребенком. По прошествии этого периода многие женщины возвращаются на рабочее место (Gasiukova 2022), при этом двухлетний ребенок все равно требует много внимания со стороны матери и женщина вынуждена лавировать между домашними обязательствами и работой. Необходимость соответствовать роли матери и работника на ранних этапах воспитания ребенка приводит к усилению конфликта «работа — семья», когда у женщины не хватает времени и сил, чтобы полноценно реализовать себя в обеих сферах (Voydanoff 2005). В свою очередь, данный конфликт оборачивается снижением субъективного благополучия женщин (Nomaguchi et al. 2005; Kinnunen, Mauno 1998). На мужчину также возлагаются обязательства по обеспечению семьи, но, как правило, отцы не столь обременены домашними заботами, и им конфликт «работа — семья» не наносит такой же субъективный ущерб, как женщинам (Zhao et al. 2011; Kinnunen et al. 2004). Исходя из этого мы выдвигаем гипотезу:

H4: Ребенок в возрасте двух лет негативно сказывается на СБ женщин, если они в этот период выходят на работу.

В то же время супруги также могут сталкиваются с проблемой нормативных ожиданий в отношении главного кормильца семьи. Так, Полман-Шульт (Pollmann-Schult 2014) показывает, что в семьях, в которых оба родителя работают и не испытывают финансовых трудностей, пара может испытывать психологический дискомфорт, связанный с тем, что мужчина не может выступать полноценным добытчиком в семье¹. И хотя консервативные мужчины, видящие себя кормильцами семьи, в меньшей степени вовлечены в заботу о детях (Кравченко 2012), сам факт появления детей в семье может позитивно отражаться на их удовлетворенности жизнью. С учетом этого и того, что в России сегодня доминируют гендерные представления о мужчине как главном кормильце в семье, мы склонны вывести следующую гипотезу:

H5: Чем выше доля дохода мужчины в семейном бюджете, тем позитивнее рождение ребенка сказывается на СБ родителя.

---

¹ Но этот тезис также может быть оспорен: Лангнер (2022) получил, что родителям с подростками детьми дискомфорт по поводу соответствия гендерным ролям не свойствен.

Методология

Данные. Выборка — панельные данные РМЭЗ, волны 2016–2021 гг. 2016 год выбран как первый после кризиса 2014/15 г., который потенциально мог внести трудноучитываемый вклад в связь субъективного благополучия с деторождением. В выборку попали респонденты обоих полов в возрасте от 20 до 45 лет включительно, состоящие в браке¹. Ограничения на возраст обусловлены наиболее распространенным и нормативно ожидаемым периодом для рождения детей. Отбор респондентов в браке связан с тем, что эффекты влияния детей на субъективные оценки в статусе брака и при его отсутствии могут сильно различаться. В итоге выборка составила 3904 человека.

В таблице 1 представлен объем выборки за каждый год: видно, что выборка сильно истощается в ходе отбора панельных данных за исследуемый период.

Таблица 1

Численность выборки в разные годы

год	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Число кейсов (% к 2016 г.)	3904 (100)	3305 (85)	2776 (71)	2473 (63)	2153 (55)	1921 (49)

Метод. Анализ гипотез осуществлялся с помощью модели с фиксированными эффектами. Одним из преимуществ модели является то, что, несмотря на истощение выборки, оценки модели с фиксированными эффектами остаются асимптотически валидными при условии, что отсутствует неучтенная переменная, которая одновременно влияет на зависимую переменную в период t и на вероятность респондента отсутствовать в волне t (Wooldridge 2010: 829). Непосредственно это допущение

¹ Мы решили включить в рассмотрение лишь полные семьи по причине того, что СБ одинокого родителя заведомо ниже СБ родителей, состоящих в браке (Başlevent, Kirmanoğlu 2017). Воспитание ребенка при отсутствии поддержки со стороны партнера может повлечь значительное снижение субъективных оценок индивида (Jenkinson et al. 2020). Одинокий родитель сталкивается как с двойной трудовой нагрузкой, так и с ограничением материальных ресурсов. Помимо этого, референтной группой для него все еще остается полная семья, и индивид, уже исходя из неполноценности своей семьи, судит о своем благополучии (данный эффект присущ «коллективистски» ориентированным странам, к которым авторы относят Россию /Stavrova, Fetchenhauer 2015/). Тема СБ одиноких родителей составляет отдельную ветвь исследований, рассматривающих динамику субъективного состояния родителя в зависимости от различных обстоятельств (Herbst 2012).

проверить невозможно, так как нам неизвестно значение зависимой переменной для отсутствующих респондентов, тем не менее можно предложить косвенный тест. Можно ввести в модель индикатор отсутствия респондента в $t-1$ ¹ или $t+1$ момент времени как предиктор зависимой переменной в момент t . Для асимптотической несмещенности коэффициент при индикаторе должен быть незначим (Wooldridge 2010: 832–833). В нашем случае коэффициент в обоих тестах оказался незначим. Также мы сопоставили коэффициенты нашей модели и модели, рассчитанной на сбалансированной подвыборке нашей выборки (т.е. тех респондентов, которые присутствовали шесть лет подряд в базе) (Wooldridge 2010: 831). Значимых различий между коэффициентами выявлено не было.

Переменные. Зависимая переменная: СБ измерялось с помощью вопроса «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» Данная переменная является порядковой и имеет пять вариантов ответов (от «совсем не удовлетворены» до «полностью удовлетворены»). В анализе переменная рассматривалась как численная.

В литературе можно найти различные способы введения возраста детей в модель. Номагучи (Nomaguchi 2012) полагает, что необходимо учитывать возраст старшего ребенка, поскольку первый ребенок оказывает наибольшее влияние на восприятие родителей. Микука (Mikucka 2016), показала, что не первый, а второй ребенок приносит наибольший вклад в удовлетворенность родителей. Важно принимать во внимание возраст уже имеющихся детей, так как ситуации воспитания одновременно нескольких маленьких детей отличаются от ситуаций, когда в семье есть дети разных возрастов (Панкратова 2013). В другой работе (Milovanska-Farrington, Farrington 2021) авторы приходят к выводу, что каждый новый ребенок приносит больше счастья семье. В нашей работе мы учитывали возраст всех детей до достижения совершеннолетия (17 лет включительно). Поскольку опыт родительства качественно меняется с возрастом ребенка, возраст был закодирован как несколько бинарных переменных: 0 (год рождения), 1, 2, 3–4, 5–7, 8–10, 11–14, 15–17 лет.

Критерием принадлежности к молодой группе респондентов был возраст 32 года — медиана рождения ребенка. Если респондент строго моложе 32 лет, то он считался молодым.

Литература показывает, что субъективные оценки подвержены волатильности из-за воздействия нестабильной политико-экономической

---

¹ Для 2016 г. индикатор был построен с привлечением данных за 2015 г. по тем респондентам, кто уже был в базе данных. Для новичков индикатору присвоено то же значение, что и для тех, кто присутствовал в базе 2015 г.

обстановки, в связи с чем в модели был учтен временной тренд — была введена переменная ВВП России за каждый исследуемый год (в ценах 2016 г., млрд руб.). При этом переменная ВВП слабо коррелировала с переменными различных возрастов детей (корреляция составила не более 11 %); а интеракция рождения ребенка и переменной ВВП незначима.

Действительно, можно говорить о том, что период с 2016 по 2021 г. отличался неустойчивым характером: 2015 г. ощущал отголоски экономического кризиса и роста цен 2014 г.; некоторая стабилизация пришлась на 2016 г., когда выросли топливно-энергетические доходы России в связи со снижением добычи нефти стран ОПЕК. Но в целом с 2014 по 2017 г. реальные доходы населения в России сокращались, в 2018 г. был зафиксирован околонулевой рост, и лишь в 2019 г. они немного увеличились, но в 2020 г. (начало ковида) уже зафиксирована отрицательная динамика.

Доход. 1) уровень дохода на члена семьи, поделенный на медианный доход жителя населенного пункта следующего типа: крупный город (от 500 тыс. жителей включительно и выше) или малый город/поселение (до 500 тыс. жителей); 2) доля дохода мужчины в семейном бюджете (для женщин (все женщины в выборке замужние) показатель рассчитывался как 1 — доля дохода женщины в д/х).

Респондент присутствует на рынке труда, если он занят или находится в отпуске, в том числе декретном. Дополнительно рассматривался показатель, фиксирующий трудовую нагрузку работника не более 25 часов в неделю.

Обозначим как Base выражение, входящее в каждую из наших моделей:

$$\text{Base} = \alpha_i + \sum_{m=0}^8 \beta_m * \text{child\_age}_{m\_it} + \text{gdp}_t + u_{it},$$

где α_i , $i=1, \dots, n$ — фиксированный эффект i -го респондента, child_age_{m_it} — бинарная переменная принадлежности ребенка к одной из восьми возрастных групп: 0 (новорожденный), 1, 2, 3–4, 5–7, 8–10, 11–14, 15–17 лет; gdp_t — уровень ВВП для t -года; u_{it} — ошибка.

Для проверки гипотез рассмотрим следующие модели:

$$1) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{male}_i * \text{child\_age}_{0\_it},$$

где Satis_{it} — зависимая переменная удовлетворенности жизнью в t -й момент времени, male_i — мужской пол,

$$2) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{yng}_{it} + \beta_{10} * \text{yng}_{it} * \text{child\_age}_{0\_it},$$

где yng_{it} — моложе 32 лет,

$$3) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{inc\_mem}_{it} + \beta_{10} * \text{inc\_mem}_{it} * \text{child\_age}_{0\_it},$$

где inc_mem_{it} — уровень дохода на члена семьи,

$$4) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{work}_{it} + \beta_{10} * \text{work}_{it} * \text{child\_age}_{2,it}$$

где work_{it} — у респондента нет работы или респондент работает не более 25 часов,

$$5) \text{Satis}_{it} = \text{Base} + \beta_9 * \text{share}_{it} + \beta_{10} * \text{share}_{it} * \text{child\_age}_{0,it}$$

где share_{it} — доля дохода мужчины в семейном бюджете.

Результаты

В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа с фиксированными эффектами. Согласно результатам модели 1, женщины (коэффициент 0,202 и стандартная ошибка 0,043) и мужчины (коэффициент 0,202 — 0,064 = 0,138; стандартная ошибка 0,05) положительно реагируют на появление детей в семье. Полученные коэффициенты свидетельствуют в пользу гипотез 1а и 1б. Мы также рассмотрели интеракции каждой переменной возраста ребенка с мужским полом, чтобы убедиться, что отцы и матери одинаково реагируют на взросление детей. Мы получили, что различия эффектов детей между мужчинами и женщинами незначимы, независимо от возраста ребенка (не представлено).

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа с фиксированными эффектами

	Пол	Возраст	Доход	2 года ребенку и незанятость		Доля дохода
				нет работы	<= 25 часов	
Независимые переменные	1	2	3	5	6	7
Рождение ребенка	0,202 (0,043)***	0,205 (0,044)***	0,225 (0,046)***	0,176 (0,035)***	0,179 (0,036)***	0,154 (0,087)
Возраст ребенка (1 год)	0,049 (0,032)	0,046 (0,032)	0,074 (0,033)*	0,052 (0,032)	0,067 (0,033)*	0,048 (0,033)
Возраст ребенка (2 года)	-0,051 (0,031)	-0,053 (0,031)	-0,036 (0,032)	- 0,408 (0,094)***	- 0,095 (0,044)*	- 0,055 (0,033)
Возраст ребенка (3–4 года)	-0,065 (0,028)*	-0,067 (0,028)*	-0,059 (0,028)*	- 0,062 (0,027)*	- 0,064 (0,028)*	- 0,068 (0,029)*
Возраст ребенка (5–7 лет)	-0,052 (0,026)*	-0,056 (0,026)*	-0,054 (0,027)*	- 0,050 (0,026)	- 0,052 (0,027)	- 0,067 (0,027)*
Возраст ребенка (8–10 лет)	-0,02 (0,026)	-0,025 (0,026)	-0,001 (0,026)	- 0,015 (0,025)	- 0,010 (0,026)	- 0,012 (0,027)
Возраст ребенка (11–14 лет)	-0,006 (0,026)	-0,01 (0,027)	0,011 (0,027)	- 0,004 (0,026)	- 0,009 (0,027)	0,007 (0,027)

Окончание табл. 2

Независимые переменные	1	2	3	5	6	7
Возраст ребенка (15–17 лет)	-0,005 (0,025)	-0,007 (0,025)	-0,001 (0,026)	- 0,005 (0,025)	- 0,001 (0,026)	- 0,008 (0,026)
Рождение × Мужчина	-0,064 (0,062)	-	-	-	-	-
Молодой возраст	-	-0,009 (0,029)	-	-	-	-
Рождение × Молодой возраст	-	-0,069 (0,062)	-	-	-	-
Доход	-	-	0,068 (0,011)***	-	-	-
Рождение × Доход	-	-	-0,033 (0,028)	-	-	-
Незанятость	-	-	-	- 0,275 (0,034)***	- 0,232 (0,032)***	-
Возраст ребенка (2 года) × Незанятость	-	-	-	0,296 (0,067)***	0,241 (0,066)***	-
Возраст ребенка (2 года) × Мужчина	-	-	-	0,464 (0,166)**	0,027 (0,053)	-
Мужчина × Незанятость	-	-	-	- 0,171 (0,061)**	- 0,137 (0,060)*	-
Возраст ребенка (2 года) × Мужчина × Незанятость	-	-	-	- 0,416 (0,141)**	- 0,366 (0,141)**	-
Доля дохода мужчины	-	-	-	-	-	0,079 (0,035)*
Рождение × Доля дохода	-	-	-	-	-	0,037 (0,115)
ВВП	0,008 (0,002)***	0,008 (0,003)**	0,008 (0,002)**	0,008 (0,002)***	0,008 (0,002)***	0,009 (0,002)***

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. В скобках приведены стандартные ошибки.

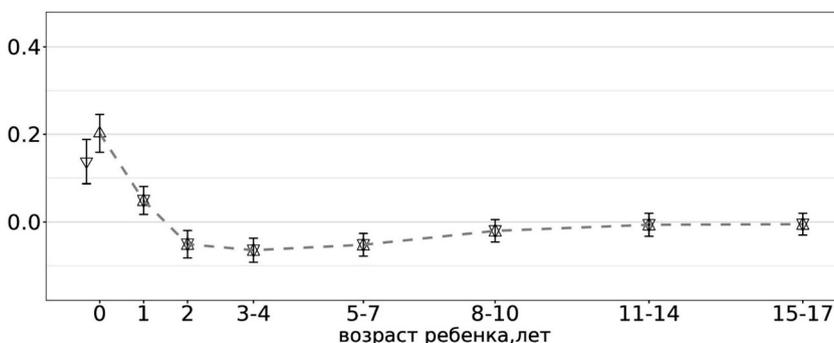
Таблица 3

**Эффекты ребенка двухлетнего возраста
для женщин и мужчин с разным трудовым статусом**

Возраст ребенка у занятых женщин	-0,408(0,093)**
Возраст ребенка у незанятых женщин	-0,112(0,042)*
Возраст ребенка у занятых мужчин	0,056 (0,141)
Возраст ребенка у незанятых мужчин	-0,064 (0,042)
Возраст ребенка у женщин, работающих более 25 часов	-0,095 (0,044)*
Возраст ребенка у женщин, работающих не более 25 часов	0,146 (0,058)*
Возраст ребенка у мужчин, работающих более 25 часов	-0,068 (0,044)
Возраст ребенка у мужчин, работающих не более 25 часов	-0,194 (0,13)

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. В скобках приведены стандартные ошибки.

Однако позитивный эффект рождения детей длится недолго, и уже к трем годам ребенок начинает негативно воздействовать на удовлетворенность жизнью респондентов (рис. 1). Данный результат не позволяет принять гипотезу 2b. Предположительно, данный эффект можно объяснить тем, что радость, охватывающая родителей при рождении детей, к трем годам ослабевает и родители начинают задумываться об иных аспектах жизни. В это время женщина возвращается на рынок труда

Рис. 1. Коэффициенты при различных возрастах детей
∇ — мужчина, Δ — женщина, ⊗ — мужчина/женщина.
Вертикальная линия обозначает стандартную ошибку

и вынуждена совмещать семейные и трудовые обязанности в полном объеме. Схожий результат был получен Панкратовой (2013): ребенок до 1,5 лет положительно воспринимается матерями, но затем их СБ падает.

Рождение ребенка положительно влияет на СБ даже у молодых родителей (модель 2, табл. 2, коэффициент $0,205 - 0,069 = 0,136$, стандартная ошибка 0,05). Гипотеза 2а не получает подтверждение: даже молодые супруги чувствуют себя более удовлетворенными жизнью, если у них рождается ребенок.

Значимым фактором позитивных оценок респондентов также выступает материальное положение: чем оно выше, тем благополучнее себя чувствует респондент (модель 3, табл. 2). Однако интеракция рождения ребенка и дохода респондента оказалась незначима, что говорит о том, что появление ребенка в семье содействует росту СБ, вне зависимости от уровня обеспеченности семьи. Гипотеза 3 не может быть принята.

В таблице 3 отражены эффекты наличия детей двух лет для женщин, занимающих различное положение на рынке труда. Значимыми являются различия для работающих (имеющих занятость или фактически тратящих на работу более 25 часов в неделю) и неработающих женщин, что соответствует гипотезе 4. Аналогичные модели с включением иных (отличных от двух лет) возрастов детей не показали значимого различия эффектов наличия ребенка для занятых и незанятых женщин. Такие же эффекты в отношении мужчин оказались незначимы для всех возрастов детей.

Для мужчин значим не только материальный достаток семьи, но и личный вклад в семейный бюджет: как и ранее, мужчина ассоциирует себя в первую очередь с добытчиком в семье и СБ членов семьи повышается, если доля дохода мужчины в домохозяйстве растет (модель 5, табл. 2). Но интеракция рождения и доли дохода мужчины в семье незначима: родители одинаково рады появлению ребенка в случаях с разным вкладом мужского дохода в общий бюджет семьи. В итоге гипотеза 5 не получила подтверждение.

Обсуждение и заключение

Отправной точкой представленной работы послужила проблема гендерного неравенства. В литературе этот феномен преимущественно представлен как дисбаланс выигрышей и проигрышей мужчин и женщин. Нами предложено использовать субъективное благополучие в качестве интегрального показателя гендерного преимущества (дисбаланса), поскольку оно позволяет оценить ощущение удовлетворенности и благополучия в жизни женщины. Работа посвящена рассмотрению отдельного этапа жизненного пути — рождения и воспитания детей как периода,

вносящего значительные коррективы в образ жизни и субъективное состояние молодых родителей. Мы хотели понять, каким образом меняется субъективное благополучие мужчин и женщин на этом этапе, можно ли утверждать, что выигрыш женщин от рождения ребенка выше, чем выигрыш мужчин, в терминах субъективного благополучия. Для ответа на этот вопрос мы оценили модели на основе панельных данных, в которых зависимой переменной выступала удовлетворенность жизнью, а главными независимыми переменными — возраст детей, при контроле других параметров. В итоге мы получили, что рождение детей оказывает положительное воздействие на субъективное благополучие как матерей, так и отцов. Если в отношении женщин полученные зависимости более чем ожидаемы, то в отношении мужчин данный результат не столь тривиален. Можно предположить, что отцовство выступает, с одной стороны, показателем статуса для мужчин, а с другой стороны, одной из актуальных форм реализации мужчины в современном обществе. Исследуемый российскими авторами (Авдеева 2012; Рождественская 2020) феномен вовлеченного отцовства согласуется с этими предположениями. Мужчины начинают выполнять обязанности по заботе о детях, потому что сами хотят принимать равное (а иногда и большее) участие в воспитании ребенка. На примере ценностей отцовства сегодня можно зафиксировать трансформацию гендерных паттернов, распространение вариативных гендерных ролей и ослабление традиционной модели семьи. Также не получила подтверждения и гипотеза о том, что доля дохода мужчины в семейном бюджете увеличивает позитивный эффект от рождения ребенка на субъективное благополучие родителя, что, возможно, тоже свидетельствует о росте популярности эгалитарных (а не патриархальных) отношений в молодых семьях. Впрочем, сама по себе доля дохода мужчины в бюджете семьи положительно влияет на субъективное благополучие обоих супругов.

Исследование воздействия детей в разных возрастах показало, что положительный эффект рождения оказывается не долгосрочен, и уже к двум годам субъективное благополучие родителей начинает падать. Вероятно, ожидание и рождение ребенка связано с положительным этапом в жизни семьи, но, когда ребенок подрастает, родители (чаще матери) вынуждены совмещать домашние дела с работой и также решать вопросы воспитательного и образовательного характера (оформление в детские сады, кружки и т.д.). В частности, российские авторы (Карабчук и др. 2012; Панкратова 2013) показывают, как положительный эффект, присущий этапу рождения ребенка, начинает затухать по достижению ребенком 1,5 лет. Наши расчеты подтверждают, что именно на этом этапе женщины

испытывают негативное воздействие одновременной занятости на рынке труда и необходимости осуществлять заботу о ребенке. Возможно, более благоприятной альтернативой для женщины может быть постепенный выход из декрета, когда она совмещает домашние заботы с частичной занятостью на рынке труда.

Рождение ребенка оказывает позитивное воздействие на субъективное благополучие родителей, даже если семья обладает невысоким достатком. Тем самым можно говорить о том, что в России статус родителя поощряем среди различных слоев населения и выступает универсальной детерминантой удовлетворенности жизнью.

Отметим также, что как у мужчин, так и женщин выявлены практически идентичные зависимости. Полученные нами выводы позволяют говорить о том, что женщина, став матерью, с точки зрения своего субъективного состояния не выигрывает по сравнению с мужчиной: оба родителя склонны синхронно реагировать на этапы рождения и воспитания детей. Исходное предположение о том, что гендерное неравенство может снижаться за счет роста субъективного благополучия у женщин в ответ на рождение ребенка, не получило однозначного подтверждения. Результаты говорят о стирании различий в ценности материнства и отцовства, при этом паттерн колебаний субъективного благополучия для матерей и отцов может отличаться, в частности период выхода из декрета является чувствительным для женщин.

В заключение можно указать ряд направлений для дальнейшей работы. Некоторые потенциально значимые факторы не были рассмотрены в представленной работе. Так, Микука (Mikuska 2016) получила, что субъективное благополучие родителей в первую очередь определяется числом детей в семье; также, как предполагается, стоит учитывать возможность поддержки со стороны других членов семьи, которые могли бы при необходимости взять на себя часть домашних обязанностей; не менее важную роль имеет и наличие соответствующей инфраструктуры заботы о детях (близлежащие поликлиники, детские сады, места досуга, транспортная доступность и т.д.) (Шпаковская 2015).

Литература/References

Авдеева А.В. (2012) «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*, 11: 95–104.

Avdeeva A.V. (2012) “Vovlechennoe ottsovstvo” v sovremennoj Rossii: strategii uchastiya v uhode za det'mi [“Involved Fatherhood” in modern Russia: the strategies of child]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 95–104 (in Russian).

Арженовский С.В., Артамонова Д.В. (2007) Оценка потерь в зарплате женщин с детьми. *Прикладная эконометрика*, 7(3): 66–79.

Arzhenovskij S.V., Artamonova D.V. (2007) Ocenka poter' v zarplate zhenshchin s det'mi [The assessment of wage losses of women with children]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 7(3): 66–79 (in Russian).

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2022) Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*, 2(2): 94–106.

Bezrukova O.N., SamoiloVA. (2022) Otcovstvo v sovremennoj Rossii: smysly, cennosti, praktiki i mezhpokolencheskaya translyaciya [Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2(2): 94–106 (in Russian).

Бирюкова С.С., Макаренцева А.О. (2017) Оценки «штрафа за материнство» в России. *Население и экономика*, 1(1): 50–70.

Biryukova S.S., Makarenceva A.O. (2017) Ocenki «shtrafa za materinstvo» v Rossii [The evaluation of motherhood penalty]. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics], 1(1): 50–70 (in Russian).

Гасюкова Е.Н., Петрова А.А. (2021) Субъективные оценки нестабильной занятости: так ли уж плохо быть нестабильным? *Экономическая социология*, 22(3): 39–70.

Gasiukova E.N., Petrova A.A. (2021) Subektivnye ocenki nestabil'noj zanyatosti: tak li uzh ploho byt' nestabil'nym? [The Subjective Perception of Employment Instability: Is It Bad to Be Unstable?]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology], 22(3): 39–70 (in Russian).

Ермолина А.А., Рохмина Е.Б., Васильева Ю.М., Трач Т. (2016) Рождение ребенка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России «штраф за материнство»? *Демоскоп Weekly*, (701–702): 35–40.

Ermolina A.A., Rohmina E.B., Vasileva Y.M., Trach T. (2016) Rozhdenie rebenka kak faktor dohodnoj obespechennosti zhenshchin. Naskol'ko velik v Rossii "shtraf za materinstvo"? [A childbirth as a factor of material well-being of women. How is high the motherhood penalty in Russia] *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], (701–702): 35–40 (in Russian).

Карабчук Т.С., Миронова А.А., Ремезкова В.П. (2015) Работа или второй ребенок: о чем говорят данные РМЭЗ-ВШЭ? *Вопросы экономики*, 6: 81–105.

Karabchuk T., Mironova A., RemezkoVA. (2015) Rabota ili vtoroj rebenok: o chem govoryat dannye RMEZ-VSHE? [The Link Between the Probability of Having the Second or Third Child and Woman's Employment Characteristics], *Voprosy Ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 6: 81–105 (in Russian).

Карабчук Т.С., Нагерняк М.А., Сухова А.С., Колотова Е.В., Панкратова М.Л., Панкратова В.Л. (2012) Женщины на российском рынке труда после рождения ребенка. *Вестник РМЭЗ НИУ ВШЭ*, 2: 66–94.

Karabchuk T., Nagernyak M., Suchova A., Kolotova E., Pankratova V. (2012) Zhenshchiny na rossijskom rynke truda posle rozhdeniya rebenka. Vestnik RMEZ NIU VSHE [Women on labor market after the childbirth]. *Vestnik RMEZ VSHE* [Journal RLMS HSE], 2: 66–94 (in Russian).

Кравченко Ж.В. (2012) Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(1): 65–85.

Kravchenko Z.V. (2012) Muzhchiny v zabote o detyah: sravnitel'nyj analiz Rossii, Francii i Norvegii [Men and childcare: the comparative analysis of Russia, France and Norway]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of sociology and social anthropology], 15(1): 65–85 (in Russian).

Кученкова А.В., Татарова Г.Г. (2019) «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности. *Социологические исследования*, (8): 30–43.

Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) «Etap zhiznennogo cikla» kak determinanta subektivnogo blagopoluchiya lichnosti [The life stage as a determinant of subjective well-being of a person]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], (8): 30–43 (in Russian).

Нуриманова И.Ф., Бирюкова С.С., Ермолина А.А. (2016) Динамика совокупных доходов и субъективного восприятия материального положения российских женщин в первые годы после рождения ребенка. *Демоскоп Weekly*, 701–702.

Nurimanova I.F., Biryukova S.S., Ermolina A.A. (2016) Dinamika sovokupnyh dohodov i sub'ektivnogo vospriyatiya material'nogo polozheniya rossijskikh zhenshchin v pervye gody posle rozhdeniya rebenka [The Dynamics of aggregate incomes and subjective perception of the financial situation of Russian women in the first years after childbirth]. *Demoscop Weekly* [Demoscope Weekly], 701–702 (in Russian).

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. (2020) Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 155(1): 117–142.

Osin E.N., Leontyev D.A. (2020) Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya: psihometricheskie harakteristiki i sravnitel'nyj analiz [The short Russian scales of subjective well-being diagnostics: psychometric characteristics and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 155(1): 117–142 (in Russian).

Ощепков А.Ю. (2020) Отцы и дети: «премия за отцовство» на российском рынке труда. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 24(2): 157–190.

Oshchepkov A. (2020) Ottsy i deti: «premiya» za otsovstvo na rossijskom rynke truda [Fathers and children: The Fatherhood Wage Premium in Russia]. *Ekono-*

micheskii zhurnal Vishey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal], 24(2): 157–190 (in Russian).

Панкратова М.Л. (2013) Удовлетворенность российских женщин с детьми и без детей работой и жизнью. *Экономическая социология*, 4(2): 88–110.

Pankratova M.L. (2013) Udovletvoryonnost' rossijskikh zhenshchin s det'mi i bez detej rabotoj i zhizn'yu [Satisfaction of Russian women with and without children by work and life]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology], 14(2): 88–110 (in Russian).

Рождественская Е.Ю. (2020) Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 155–185.

Rozhdestvenskaya E.Y. (2020) Vovlechennoe otcovstvo, zabolivaya maskulinnost' [Involved Fatherhood, Caring Masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 155–185 (in Russian).

Роцин С.Ю., Емелина Н.К. (2022) Метаанализ гендерного разрыва в оплате труда в России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 26(2): 213–239.

Roshchin S., Yemelina N. (2022) Meta-analiz gendernogo razryva v oplate truda v Rossii [Meta-analysis of the Gender Pay Gap in Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal Vishey shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal], 26(2): 213–239 (in Russian).

Соболева Н.Э. (2020) Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 155(1): 368–390.

Soboleva N.E. (2020) Faktory, vliyayushchie na vklad udovletvorennosti rabotoj v udovletvorennost' zhizn'yu v Rossii [Determinants and the interrelationship between job satisfaction and life satisfaction in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 155(1): 368–390 (in Russian).

Шпаковская Л.Л. (2015) Городская инфраструктура заботы о детях: реальные и идеальные пространства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(4): 111–125.

Shpakovskaya L.L. (2015) Gorodskaya infrastruktura zaboty o detyah: real'nye i ideal'nye prostranstva [The Urban Infrastructure of care about children: real and ideal spaces]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18(4): 111–125 (in Russian).

Austen S., Kalsi J., Mavisakalyan A. (2023) Parenthood and the distribution of intra-household inequalities in wellbeing. *The Journal of Economic Inequality*, 21: 405–440.

Baetschmann G., Staub K.E., Studer R. (2016) Does the stork deliver happiness? Parenthood and life satisfaction. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 130: 242–260.

Başlevent C., Kirmanoğlu H. (2017) Gender inequality in Europe and the life satisfaction of working and non-working women. *Journal of happiness studies*, 18: 107–124.

Blednova N., Bagirova A. (2021) Factor Modeling of Russian Women's Perceptions of Combining Family and Career. *Communications of the ECMS*, 35(1): 69–74.

Busseri M.A., Sadava S.W. (2011) A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and social psychology review*, 15(3): 290–314.

Cetre S., Clark A.E., Senik C. (2016) Happy people have children: Choice and self-selection into parenthood. *European Journal of Population*, 32(3): 445–473.

Cheung F., Lucas R.E. (2014) Assessing the validity of single-item life satisfaction measures: Results from three large samples. *Quality of Life research*, 23(10): 2809–2818.

Cooke L.P., Fuller S (2018) Class differences in establishment pathways to fatherhood wage premiums. *Journal of Marriage and Family*, 80(3): 737–751.

Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. (1985) The satisfaction with life scale. *Journal of personality assessment*, 49(1): 71–75.

Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2002) Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. In Snyder C.R., Lopez S.J. (eds.) *Handbook of Positive Psychology*. Oxford; New York: Oxford University Press: 463–473.

Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2018) Advances and open questions in the science of subjective well-being. *Collabra: Psychology*, 4(1): 1–49.

Jenkinson S., Matsuo H., Matthys K. (2020) Multi-dimensional subjective wellbeing and lone parenthood following divorce in Flanders (Northern Belgium). In Mortelmans D. (ed.) *Divorce in Europe: New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups*. London: SpringerOpen: 211–236.

Feyrer J., Sacerdote B., Stern A.D. (2008) Will the stork return to Europe and Japan? Understanding fertility within developed nations. *Journal of Economic Perspectives*, 22(3): 3–22.

Gasiukova E.N. (2022) Between Career and Motherhood: Factors Affecting Women's Career Trajectories After Childbirth in Russia. *Changing Societies and Personalities*, 6(4): 804–822.

Glass J., Simon R.W., Andersson M.A. (2016) Parenthood and happiness: Effects of work-family reconciliation policies in 22 OECD countries. *American Journal of Sociology*, 122(3): 886–929.

Hansen T. (2012) Parenthood and happiness: A review of folk theories versus empirical evidence. *Social indicators research*, 108: 29–64.

Harryson L., Strandh M., Hammarström A. (2012) Domestic Work and Psychological Distress – What Is the Importance of Relative Socioeconomic Position and Gender Inequality in the Couple Relationship? *PloS one*, 7(6): e38484.

Herbst C.M. (2012) Footloose and fancy free? Two decades of single mothers' subjective well-being. *Social Service Review*, 86(2): 189–222.

Isaeva A., Salahodjaev R. (2021) Correlates of life satisfaction inequality in Russia. *Applied Research in Quality of Life*, 16(5): 2251–2269.

Karabchuk T. (2016) The subjective well-being of women in Europe: Children, work and employment protection legislation. *Mind & Society*, 15(2): 219–245.

Kjell O.N.E., Daukantaitė D., Hefferon K., Sikström S. (2016) The harmony in life scale complements the satisfaction with life scale: Expanding the conceptualization of the cognitive component of subjective well-being. *Social Indicators Research*, 126(2): 893–919.

Killewald A. (2013) A reconsideration of the fatherhood premium: Marriage, coresidence, biology, and fathers' wages. *American sociological review*, 78(1): 96–116.

Kinnunen U., Mauno S. (1998) Antecedents and outcomes of work family conflict among employed women and men in Finland. *Human Relations*, 51(2): 157–177.

Kinnunen U., Geurts S., Mauno S. (2004) Work-to-family conflict and its relationship with satisfaction and well-being: a one-year longitudinal study on gender differences. *Work & Stress*, 18(1): 1–22.

Kohler H.P. (2015) Do children bring happiness and purpose in life? In Kaufmann E.P., Wilcox W.B. (eds.) *Whither the Child? Causes and Consequences of Low Fertility*. N.Y.: Routledge: 61–90.

Langner L. (2022) Desperate Housewives and Happy Working Mothers: Are Parent-Couples with Equal Income More Satisfied throughout Parenthood? *A Dyadic Longitudinal Study*. *Work, Employment and Society*, 36(1): 80–100.

Lucas R.E., Donnellan B.M. (2012) Estimating the reliability of single-item life satisfaction measures: Results from four national panel studies. *Social Indicators Research*, 105(3): 323–331.

Lyubomirsky S., Lepper H.S. (1999) A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social indicators research*, 46: 137–155.

Maddux J.E. (2017) *Subjective well-being and life satisfaction*. N.Y.: Routledge.

Matysiak A., Mencarini L., Vignoli D. (2016) Work–family conflict moderates the relationship between childbearing and subjective well-being. *European Journal of Population*, 32(3): 355–379.

Mikucka M. (2016) How does parenthood affect life satisfaction in Russia? *Advances in Life Course Research*, 30: 16–29.

Milovanska-Farrington S., Farrington S. (2021) More and none? Children and parental well-being: A bimodal outcome from an instrumental variable approach. *Research in Economics*, 75(3): 225–243.

Newton D. (2019) *Gender Inequality: A Reference Handbook*. Santa Barbara: ABC-CLIO.

Nomaguchi K.M., Milkie M.A., Bianchi S.M. (2005) Time strains and psychological well-being: Do dual-earner mothers and fathers differ? *Journal of Family Issues*, 26(6): 756–792.

Nomaguchi K.M. (2012) Parenthood and psychological well-being: Clarifying the role of child age and parent–child relationship quality. *Social science research*, 41(2): 489–498.

Nomaguchi K., Milkie M.A. (2020) Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, 82(1): 198–223.

Pavot W., Diener E. (1993) Review of the satisfaction with life scale. *Psychological assessment*, 5(2), 164–172.

Pollmann-Schult M. (2014) Parenthood and life satisfaction: Why don't children make people happy? *Journal of Marriage and Family*, 76(2): 319–336.

Proctor C. (2014) Subjective well-being. *Encyclopedia of quality of life and well-being research*. Dordrecht: Springer Netherlands: 6437–6441.

Ridgeway C.L. (2011) *Framed by gender: How gender inequality persists in the modern world*. Oxford: Oxford University Press.

Senik C. (2015) Gender Gaps in Subjective Wellbeing: Research Report. *Publication Office of the European Union* [<https://data.europa.eu/doi/10.2838/670788>] (accessed: 09.01.2024).

Schröder M. (2020) Men lose life satisfaction with fewer hours in employment: Mothers do not profit from longer employment — Evidence from eight panels. *Social Indicators Research*, 152(1): 317–334.

Stanca L. (2012) Suffer the little children: Measuring the effects of parenthood on well-being worldwide. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 81(3): 742–750.

Stavrova O., Fetchenhauer D. (2015) Single parents, unhappy parents? Parenthood, partnership, and the cultural normative context. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 46(1): 134–149.

Stoet G., Geary D.C. (2019) A simplified approach to measuring national gender inequality. *PloS one*, 14(1): e0205349.

Stone A.A., Mackie C.E. (2013) *Subjective well-being: Measuring happiness, suffering, and other dimensions of experience*. Washington, D. C.: National Academies Press.

Umberson D., Pudrovska T., Reczek C. (2010) Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of marriage and family*, 72(3): 612–629.

Voydanoff P. (2005) Toward a conceptualization of perceived work–family fit and balance: A demands and resources approach. *Journal of Marriage and Family*, 67(4): 822–836.

Wooldridge J.M. (2010) *Econometric analysis of cross section and panel data*. 2nd ed. London: MIT Press.

Zhao J., Settles B.H., Sheng X. (2011) Family-to-work conflict: Gender, equity and workplace policies. *Journal of Comparative Family Studies*, 42(5): 723–738.

Источники

8 ролей женщины: исследование к 8 марта (2020) *НАФИ Аналитический центр* [<https://nafi.ru/analytics/8-roley-zhenshchiny-issledovanie-k-8-marta/>] (дата обращения: 09.03.2023).

Денежные доходы и расходы населения. *Федеральная служба государственной статистики* [<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270>] (дата обращения: 05.08.2023).

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [<http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>] (дата обращения: 05.08.2023).

“FOR THE JOY OF MOM... AND DAD”: HOW DOES A CHILDBIRTH AFFECT THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF MOTHERS AND FATHERS

Elena N. Gasiukova (corresponding author: egasyukova@hse.ru),

Sergey A. Korotaev (skorotaev@hse.ru),

Dana Y. Tuarsheva (dyatuarsheva@edu.hse.ru)

HSE University, Faculty of Economic Sciences, Moscow, Russia

Citation: Gasiukova E.N., Korotaev S.A., Tuarsheva D.Y. (2024) “Na radost' mame... i pape”: kak poyavleniye detey skazyvayetsya na sub’yektivnom blagopoluchii materey i ottsov? [“For the joy of mom... and dad”: how does a childbirth affect the subjective well-being of mothers and fathers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 39–64 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.2>. EDN: GPQDLO

Abstract. In the article, the authors address the issue of gender inequality and compare levels of subjective well-being of men and women in Russia. Subjective well-being allows us to consider and summarize the advantages in various spheres taking into account their importance for a person and therefore allows us to assign the more (or less) advantageous position of some in relation to others. In this paper, differences in the subjective well-being of men and women are calculated at the stage of childbirth and subsequent upbringing of children, since this period is characterized by fluctuations in life satisfaction, and the question of who benefits more from the new role of a parent becomes debatable: a man or a woman. The empirical analysis is based on a fixed-effects

model built on panel data RLMS HSE for 2016–2021. The subjective well-being is measured using a question on respondent's life satisfaction. The results of the analysis show that childbirth is associated with an increase in subjective well-being for both women and men. A married couple with a newborn baby feels more satisfied, regardless of material affluence and age when the father or mother gave birth to a child. The data allow us to state that women, becoming mothers, do not receive additional benefits compared to men: a childbirth is equally rewarded by an increase in life satisfaction of both mothers and fathers. However, the joy of parents does not last long: the stage of upbringing of 3–4-year-old children has an equally negative effect on the life satisfaction of respondents of both sexes.

Keywords: subjective well-being, gender, childbirth, gender inequality, motherhood and fatherhood.